

БОРЩ С ЧЕСНОКОМ В КОНЦЕ

ДМИТРИЙ ПРАВДИН

Дмитрий Pravdin

Борщ с чесноком в конце

<https://litres.ru/74448269>

SelfPub; 2026

Аннотация

Москва, 1995 год. Татьяна, талантливый дизайнер интерьеров, мечтает лишь об одном: сдать проект подпольного казино «Одиссей» и получить наконец-то свой гонорар. Но судьба готовит ей сюрприз похлеще неоплаченных счетов. Став случайной свидетельницей бандитской разборки, она получает от умирающего авторитета странный шифр: рецепт борща.

Три части свёклы, две капусты, одна моркови и чеснок в конце. Что это? Предсмертный бред или ключ к миллионам? Втянутая в опасную игру с жестокими «новыми русскими», Татьяна вынуждена бежать из Москвы в заснеженный Калининград. На кону — её жизнь, французские колготки и тайна старого немецкого форта.

Ироничный авантюрный детектив в духе Иоанны Хмелевской, перенесенный в колоритную эпоху малиновых пиджаков, вещевых рынков и правового хаоса. Здесь дизайн интерьера спасает жизни, а кулинарные метафоры становятся оружием против мафии. Смешно, страшно и очень по-русски.

Содержание

1	4
Повесть в девяти главах и одном эпилоге	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Pravdin

Борщ с чесноком в конце

1

По сюжету книги Иоанны Хмелевской

Повесть в девяти главах и одном эпилоге

Глава 1. Случайный свидетель в казино «Одиссей»

Если бы кто-нибудь сказал мне утром того вторника, что к полуночи я буду сидеть на полу в луже чужой крови и слушать предсмертный бред человека, которого видела от силы три раза в жизни, я бы, наверное, рассмеялась. А потом попросила бы у этого кого-нибудь сигарету, потому что нервы у меня и без того были ни к чёрту — аванс за проект казино «Одиссей» задерживали уже второй месяц, а в холодильнике, помимо банки солёных огурцов и половины пачки масла «Рама», не было ровным счётом ничего.

Но обо всём по порядку.

Меня зовут Татьяна, мне тридцать два года, я архитектор по образованию и дизайнер интерьеров по призванию, что в Москве образца 1995 года означало примерно следующее: ты умеешь рисовать красивые картинки, но денег у тебя нет, потому что все деньги сейчас у людей, которые красивые картинки рисовать не умеют, зато умеют стрелять из пистолетов и носить малиновые пиджаки. Вот именно таким лю-

дям я и делала интерьеры. Точнее, одному конкретному человеку — некоему Виктору Аркадьевичу Громову, владельцу казино «Одиссей», расположенного в полуподвале бывшего кинотеатра «Заря» на окраине Москвы, в том самом районе, где ещё год назад стояли пивные ларьки и продавали пирожки с ливером, а теперь выросли кирпичные особняки с тонированными окнами и спутниковыми тарелками на крышах.

Казино «Одиссей» было, если можно так выразиться, амбициозным проектом. Виктор Аркадьевич хотел, чтобы у него было «как в Монте-Карло», но при этом «чтобы наши люди понимали». На практике это выливалось в чудовищную смесь из бордового бархата, позолоченных карнизов, зеркал в человеческий рост и неоновых вывесок, мигающих так, что у любого нормального человека через полчаса начиналась мигрень. Я три месяца пыталась убедить Виктора Аркадьевича, что неон и барокко — это как солёные огурцы со взбитыми сливками: каждый ингредиент хорош сам по себе, но вместе они вызывают исключительно рвотный рефлекс. Виктор Аркадьевич слушал меня, кивал, а потом говорил: «Танюша, ты не понимаешь, народ любит, чтобы было богато». И я понимала, что спорить бесполезно, потому что народ, о котором он говорил, действительно любил, чтобы было богато, и плевать хотел на мои лекции о колористике и пропорциях золотого сечения.

В тот вечер я сидела в основном зале казино одна. Было

около одиннадцати, и заведение уже закрылось для посетителей — вернее, для тех посетителей, которые приходили играть в рулетку на последние зарплаты. Для «особых гостей» казино, разумеется, не закрывалось никогда, но они обычно собирались позже, ближе к часу ночи, в VIP-зале на втором этаже, куда меня, слава богу, не приглашали. Я сидела за покерным столом, обитым зелёным сукном, разложив перед собой рулон чертежей, три карандаша, ластик и стакан остывшего кофе, который пах так, будто его заварили ещё при Брежневе. Передо мной стояла задача доработать проект входной группы — Виктор Аркадьевич внезапно решил, что ему нужен фонтан. Фонтан в полуподвале. В здании, где канализация и так работала через раз. Я пыталась нарисовать ему что-то компромиссное — декоративный водопад на стене, — но рука не поднималась, потому что я знала: он всё равно потребует фонтан с подсветкой и позолоченными нимфами, и мне придётся это рисовать, и я буду плакать над каждым штрихом.

Воздух в казино был густой и многослойный, как торт «Наполеон», только несъедобный. Нижний слой — это запах дешевого табака «Прима», которым дымили охранники у чёрного хода. Средний слой — тяжёлый, сладковатый аромат духов «Красная Москва», оставшийся от какой-то дамы, проигравшей здесь вечером всю зарплату мужа. Верхний слой — острый, химический запах нового линолеума, которым вчера застелили коридор к туалетам, потому что

старый уже прогорел от сигарет. И надо всем этим — едва уловимый, но оттого ещё более тошнотворный запах страха и азарта, который, кажется, впитался в стены за те полгода, что казино работало. Я иногда думала, что если содрать все эти бархатные обои и соскрести позолоту, то под ними обнаружится не бетон, а спрессованные слои человеческих надежд и разочарований. Но это, конечно, была поэзия, а мне нужно было думать о фонтане.

Я посмотрела на часы. Половина двенадцатого. Охранник Петрович, дремавший у входа на складном стуле, уже начал похрапывать, и его храп эхом разносился по пустому залу, отражаясь от зеркал и создавая иллюзию, что в казино спит не один человек, а целый хор уставших мужчин. Я подумала, что пора собираться домой — завтра рано вставать, ехать на вещевой рынок в Лужники за тканью для портьер, потому что Виктор Аркадьевич решил, что ему нужны портьеры «как в Версале», а в Версале, насколько я помнила из учебников, портьеры были из шёлка, а не из того синтетического ужаса, который продавался на лотках у метро. Но тут я вспомнила, что оставила свой калькулятор в кабинете Виктора Аркадьевича. Это был не простой калькулятор, а японский «Casio» с двенадцатью разрядами, который я купила за бешеные деньги на Горбушке и без которого не могла считать сметы. Оставить его здесь означало потерять как минимум два дня работы, а я и так отставала от графика.

Я встала, потянулась — спина затекла от сидения на жёст-

ком стуле — и направилась к лестнице на второй этаж. Кабинет Виктора Аркадьевича находился в конце коридора, за тяжёлой дубовой дверью с табличкой «Директор». Дверь, как правило, была заперта, но сегодня, к моему удивлению, она оказалась приоткрытой. Щель была узкая, сантиметра три, не больше, но из неё пробивался слабый свет и доносился странный звук — что-то среднее между хрипом и бульканьем, как будто кто-то полоскал горло, но делал это очень неумело и с явным страданием.

Я остановилась. Здравый смысл, который у меня, к сожалению, всегда просыпался слишком поздно, закричал: «Таня, иди домой! Забудь про калькулятор! купишь завтра новый на те же бешеные деньги!» Но любопытство — это страшная сила, особенно когда ты женщина тридцати двух лет, которая последние полгода не видела в своей жизни ничего интереснее, чем спор с прорабом о цвете затирки для плитки. К тому же, подумала я, вдруг Виктору Аркадьевичу плохо? Вдруг он подавился? Я, конечно, не врач, но вызвать скорую я в состоянии. Хотя, учитывая, что скорая в нашем районе ехала часа полтора, а телефон в приёмной давно не работал, это было бы скорее жестом вежливости, чем реальной помощью.

Я толкнула дверь. Она открылась бесшумно — петли были смазаны, что для казино, где каждый шорох мог стоить кому-то жизни, было вполне логично. Кабинет Виктора Аркадьевича был обставлен с той же безвкусной роскошью, что

и всё остальное заведение: массивный стол из красного дерева (или из ДСП, обклеенного плёнкой под красное дерево — я так и не разобралась), кожаные кресла, которые скрипели при каждом движении, как старые кровати, и сейф в углу, замаскированный под книжный шкаф. На стенах висели репродукции картин в золотых рамах — кажется, Айвазовский и Шишкин, — и я каждый раз, заходя сюда, мысленно передёргивалась от того, как кривые эти рамы. Профессиональная деформация — ничего не поделаешь.

Но сейчас мне было не до рам.

За столом, вернее, на столе, лежал человек. Я не сразу поняла, что это человек, потому что первое, что бросилось в глаза, — это лужа. Тёмная, густая, она растекалась по полированной поверхности стола, капала на ковёр и медленно, но неумолимо приближалась к краю, откуда ей предстояло совершить финальное путешествие на паркет. Лужа была красной. Не бордовой, не розовой, а именно красной — того самого оттенка, который в палитре Pantone называется «кардинал», и который я, как дизайнер, всегда считала слишком агрессивным для жилых интерьеров.

Человек застонал. Я вздрогнула и чуть не уронила рулон чертежей, который машинально прижимала к груди, как щит. Это был не Виктор Аркадьевич. Это был тот самый пожилой мужчина, которого я видела пару раз в казино — высокий, худой, с лицом, изрезанным морщинами, как карта автомобильных дорог Московской области. Его звали —

или, скорее, называли — Старик. Он был одним из тех людей, которые в девяностые годы появлялись из ниоткуда и обладали необъяснимым авторитетом: с ним здоровались за руку даже те, кто не здоровался ни с кем, и его имя производили шёпотом, как будто боялись, что стены имеют уши, а уши — пистолеты.

Сейчас Старик выглядел не авторитетно, а жалко. Его пиджак — дорогой, итальянский, я обратила внимание на крой даже в этой ситуации, потому что профессиональная деформация, видимо, сильнее инстинкта самосохранения, — был расстёгнут, и из-под него торчала белая рубашка, которая уже перестала быть белой. На груди зияла рана, и из неё сочилась кровь с тем самым булькающим звуком, который я слышала из коридора. Рядом на полу валялся пистолет — маленький, чёрный, похожий на игрушечный, но, судя по запаху пороха, который перебивал даже запах «Красной Москвы», вполне настоящий.

Я должна была закричать. Или убежать. Или хотя бы закрыть глаза. Но вместо этого я сделала то, что делаю всегда в стрессовых ситуациях, — начала думать о совершенно посторонних вещах. Например, о том, что этот ковёр теперь не отстираешь. Или о том, что Виктор Аркадьевич, конечно, сволочь, но не заслужил, чтобы у него в кабинете убили человека. Или о том, что мой калькулятор, скорее всего, лежит в верхнем ящике стола, до которого мне теперь не добрать-ся, потому что между мной и ящиком — полметра крови и

умирающий бандит.

Старик открыл глаза. Они были мутные, как стёкла в окнах нашей хрущёвки, и в них плескался такой ужас, что у меня перехватило дыхание. Он посмотрел на меня — и, видимо, не узнал. Или узнал, но не того, кого ожидал. Его губы зашевелились, и он прохрипел что-то невнятное. Я сделала шаг вперёд, сама не понимая зачем. Может быть, потому что он был один и ему было страшно, а я, при всей своей трусости, не могла оставить человека умирать в одиночестве. Может быть, потому что я надеялась, что он скажет мне, где Виктор Аркадьевич и что здесь вообще происходит. А может быть, потому что я просто дура — это тоже вполне вероятный вариант.

— Ты... пришла... — прошептал Старик, и его рука, липкая от крови, схватила меня за запястье с такой силой, что я ойкнула. — Слушай... слушай внимательно... времени нет...

— Дяденька, — сказала я голосом, который не узнала, — вам скорую надо, я сейчас...

— Заткнись! — рявкнул он, и в этом рыке на секунду промелькнул тот самый авторитет, от которого, видимо, дрожали целые районы. — Слушай... код... тайник... всё там... в форте... Калининград... Балтийская коса... третий бастион... под плитой... где я тебе говорил... помнишь... борщ...

— Что? — переспросила я, искренне полагая, что ослышалась.

— Борщ... — повторил Старик, и его глаза начали стекленеть. — Свёкла... три части... капуста... две... морковь... одна... и обязательно... обязательно... с чесноком... в конце... иначе... всё пропало...

Он замолчал. Его рука разжалась и соскользнула с моего запястья, оставив на коже красный след, похожий на браслет. Голова его упала набок, и он уставился в потолок с выражением такого глубокого удивления, будто только что понял, что всю жизнь прожил неправильно.

Я стояла и смотрела на него. В голове крутилась одна-единственная мысль: «Борщ? Он сказал «борщ»? Человек умирает от пулевого ранения в груди, а его последние слова — это рецепт борща?» Я знала, что мы однажды обсуждали с ним еду — это было на прошлой неделе, когда я показывала ему эскизы оформления VIP-зала, и он вдруг спросил, люблю ли я борщ, и я из вежливости сказала, что да, хотя на самом деле терпеть не могу свёклу. Но чтобы это было кодом? Шифром от тайника с деньгами? Или он просто бредил? Или у него перед смертью обострился кулинарный талант?

Я не успела додумать эту мысль до конца, потому что снизу, из зала, донеслись голоса. Громкие, злые, с характерным акцентом, который в Москве девяностых мог означать что угодно — от кавказской группировки до подмосковных «авторитетов», выросших на развалах вещевых рынков. Кто-то кричал: «Где он? Проверьте второй этаж!» — и я поняла, что

время на размышления о борще у меня закончилось.

Я метнулась к окну — закрыто, решётка, третий этаж, прыгать бессмысленно. К двери — поздно, шаги уже на лестнице. Единственное, что оставалось, — это тяжёлая бархатная портьера, закрывавшая нишу с декоративным камином (который, разумеется, не работал, потому что дымоход был заложен ещё при реконструкции кинотеатра). Я нырнула за портьеру, прижав к себе рулон чертежей и стараясь не дышать. Бархат пах пылью и старым табаком, и я подумала, что если меня сейчас найдут и убьют, то моей последней мыслью будет не о смерти, а о том, что эту портьеру давно пора отдать в химчистку.

Дверь распахнулась. В кабинет ворвались двое. Я видела их сквозь щель в складках ткани — один здоровый, в кожаной куртке и с золотой цепью на шее, второй поменьше, в спортивном костюме «Адидас», который, судя по бирке, был сшит где-то в подвале Черкизовского рынка. Здоровый оглядел комнату, увидел труп Старика и выругался так, что у меня, при всём моём богатом словарном запасе, покраснели уши.

— Ушёл, — констатировал он. — Кто-то его опередил.

— А баба? — спросил второй, кивнув в сторону моего стула, на котором, как я с ужасом вспомнила, осталась моя сумка. — Чья сумка?

— Хрен его знает. Может, шлюха Громова. Может, уборщица. Неважно. Главное — код. Старик не мог уйти, не пе-

редав код. Значит, он кому-то его сказал.

— Кому?

— Тому, кто его нашёл первым. — Здоровый подошёл к столу, поворошил бумаги окровавленной рукой и сплюнул. — Ищи. Ищи эту бабу. Если она слышала хоть слово — она труп.

Я вжала спину в холодную стену камина и закрыла глаза. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышен через бархат, через кирпич, через весь этот проклятый полуподвал. Я думала о том, что мне тридцать два года, что я ни разу не была замужем, что у меня нет детей, что моя стиральная машина «Вятка-автомат» сломалась неделю назад и я так и не вызвала мастера, и что если я сейчас умру, то моя мать будет плакать не столько обо мне, сколько о том, что я не успела вернуть ей долг в двести долларов, которые заняла на покупку тех самых японских калькуляторов.

Шаги удалились. Дверь хлопнула. Я стояла за портьерой ещё минут десять, может быть, двадцать, не решаясь пошевелиться. Потом, когда тишина стала абсолютной и только храп Петровича внизу напоминал о том, что мир ещё существует, я выбралась из своего укрытия, перешагнула через лужу крови, подобрала сумку и калькулятор — да, он лежал в ящике, спасибо хоть за это, — и побежала к чёрному ходу, молясь всем богам, в которых не верила, чтобы Петрович не проснулся и не спросил, почему я выхожу из здания в половине первого ночи, вся в чужой крови и с выражением лица

человека, увидевшего привидение.

На улице шёл мелкий, противный, типично московский дождь. Неоновая вывеска «Одиссей» мигала над входом, и одна из букв — «С» — не горела, так что получалось «Одией», что в данной ситуации казалось мне удивительно точным. Я добежала до остановки, села в ночной троллейбус, который пах мокрой шерстью и перегаром, и поехала домой, судорожно сжимая в кармане калькулятор и пытаюсь вспомнить, сколько именно частей свёклы нужно класть в борщ, чтобы не умереть.

Три части свёклы. Две части капусты. Одна часть моркови. И чеснок в конце.

Я не знала, что это значит. Но я знала, что с этого момента моя спокойная, скучная, бедная и предсказуемая жизнь закончилась. И что завтра мне, скорее всего, не дадут доработать проект фонтана.

Жаль. Фонтан почти получался.

Глава 2. Похищение на «девятке»

Дома я провела следующие сорок восемь минут в ванной, пытаюсь оттереть с себя не столько кровь, сколько ощущение собственной глупости. Кровь, к моему удивлению, отстиралась довольно легко — горячая вода и хозяйственное мыло «Ушастый нянь», которое я купила по акции в «Седьмом континенте», творили чудеса. А вот ощущение липкого,

холодного ужаса, поселившегося где-то под лопатками, никуда не девалось. Я терла кожу мочалкой до красноты, пока она не начала гореть огнем, но это помогало лишь на время. В зеркале на меня смотрела бледная, взъерошенная женщина с расширенными зрачками, которая выглядела так, будто только что пробежала марафон в противогазе.

— Таня, ты идиотка, — сказала я своему отражению. Голос дрожал, поэтому я добавила: — Но зато живая идиотка. Пока что.

Я вышла из ванной, закуталась в махровый халат, который видел лучшие времена (махра местами превратилась в редкие островки на фоне изношенной ткани), и налила себе стопку водки. Водка была «Столичная», самая дешевая, из пластиковой бутылки без этикетки, которую мне вчера принес сосед дядя Миша в обмен на помощь с подключением антенны. Она пахла спиртом и чем-то металлическим, но пить её было необходимо. Я сделала глоток, поморщилась, почувствовала, как тепло разливается по желудку, и села на кухонный табурет.

На столе лежал мой японский калькулятор. Рядом — блокнот, в котором я машинально записала рецепт борща. *Три части свёклы. Две части капусты. Одна часть моркови. Чеснок в конце.*

Что это могло значить? Код от сейфа? Координаты? Или Старик действительно просто бредил о еде? Я посмотрела на цифры. 3, 2, 1. Если сложить их, получится 6. Если умножить

— тоже 6. Если представить как дату... 321? 3 февраля 2001 года? Нет, это слишком далеко. 32-й год? 1932? Слишком давно. А может, это номера домов? Улиц? Районов?

Голова начинала кружиться не столько от водки, сколько от бессонницы и адреналина, который всё ещё бурлил в крови. Я знала, что спать нельзя. Те двое в казино сказали: «Ищи эту бабу». Они знали, что кто-то был в кабинете. Они видели мою сумку. Значит, они могли знать, кто я. Виктор Аркадьевич знал моё имя, мой адрес (он иногда присылал курьера с правками прямо домой), мой телефон. Если они доберутся до него — а они доберутся, потому что бандиты умеют находить людей быстрее, чем налоговая инспекция, — он скажет им всё.

Я подошла к окну. Мой дом стоял на окраине, напротив пустыря, который местные жители называли «Зоной», хотя никаких запретных объектов там не было, просто земля была настолько загажена строительным мусором и ржавыми остовами машин, что туда боялись ходить даже собаки. Фонарь у подъезда не горел уже третий месяц — ЖЭК обещал заменить лампочку, но, видимо, лампочки были в дефиците, или электрик запил. Темнота была абсолютной, густой, непроницаемой. И в этой темноте мне почудилось движение.

Машина. Тёмная, низкая, припаркованная так, чтобы её не было видно из окон первых этажей, но откуда отлично просматривался мой подъезд. «Девятка». ВАЗ-2109. Чёрная, тонированная в ноль, с номерами, которые я не могла

разобрать из-за расстояния и грязи. Такие машины в Москве девяностых были чем-то вроде визитной карточки: если ты едешь на чёрной «девятке» с тонировкой, значит, ты либо бандит, либо хочешь казаться бандитом, либо работаешь на бандита. Разницы, по большому счёту, не было.

Сердце снова пропустило удар. Я отшатнулась от окна, задернула шторы — старые, ситцевые, в цветочек, которые мама привезла из деревни пять лет назад и которые я никак не могла решиться выбросить, потому что «ткань ещё хорошая», — и выключила свет на кухне. Сидеть в темноте было страшнее, но сидеть на виду — самоубийственно.

Прошло десять минут. Потом двадцать. Тишина звенела в ушах. Я слышала, как тикают часы на стене (старые, советские, с маятником, который я всегда хотела остановить, потому что этот звук сводил меня с ума), как капает вода из крана (капля, другая, третья — ритм, от которого хотелось выть), как скрипит половица в коридоре (дом старый, панельная пятиэтажка, построенная ещё при Хрущёве, и она жила своей жизнью, стонала и скрипела, как старая бабка).

Звонок в дверь раздался внезапно, громко и требовательно. Дзынь! Дзынь! Дзынь!

Я замерла. Не дышала. Может, это сосед? Дядя Миша? Он мог прийти за антенной. Или участковый? Хотя участковые к нам почти не ходили, предпочитая решать вопросы на лестничной клетке с помощью бутылки портвейна.

— Татьяна Ивановна! Открывайте! — голос был грубым,

мужским, с характерным акцентом, который я уже слышала сегодня ночью. Это был тот самый, в спортивном костюме.

Я не ответила.

— Татьяна Ивановна, мы знаем, что вы дома. Свет в окне горел минуту назад. Открывайте, а то дверь вынесем.

Угроза была вполне реальной. Двери в наших домах были деревянными, фанерными, и выбить их можно было одним хорошим ударом ноги. Я огляделась в поисках оружия. На кухне был только нож для хлеба — тупой, с зазубринами. В ванной — бритвенный станок. В спальне — утюг. Утюг! Тяжёлый, чугунный, советский, которым можно было не только гладить белье, но и пробивать черепа. Я схватила его, чувствуя холод металла в руке, и поползла к прихожей.

— У вас есть три секунды! — крикнул голос. — Раз! Два!

Раздался глухой удар. Дверь дрогнула. Петли заскрипели жалобно, как раненые птицы.

— Три!

Ещё один удар, сильнее. Дверь подалась. Щель между косяком и полотном расширилась. Я увидела глаз. Большой, круглый, злой глаз, который смотрел прямо на меня сквозь щель.

— А-а-а! — закричала я не от страха, а от ярости. Ярости на то, что моя жизнь, моя спокойная, скучная жизнь, рушится из-за какого-то проклятого борща. Я рванула дверь на себя, одновременно замахиваясь утюгом.

Но силы были неравны. Дверь распахнулась, и в квартиру

ворвались двое. Тот, в спортивном костюме, и второй — более крупный, в кожаной куртке. Они двигались быстро, профессионально, как волки, загоняющие зайца. Я успела лишь слабо ткнуть утюгом в сторону первого, но он легко увернулся, перехватил мою руку и выкрутил её так, что утюг со звоном упал на пол.

— Дура, — сказал он спокойно, без злости, как констатацию факта. — Зачем сопротивляешься? Только больно будет.

Меня скрутили. Руки за спину, грубая верёвка (или ремень? нет, пластиковые стяжки, которыми связывают провода, — современно, эффективно, больно). Меня толкнули в прихожую. Я споткнулась о коврик, упала на колени, почувствовала, как острые края пластиковых стяжек впиваются в запястья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.